

Переводная агиография Древней Руси: проблемы изучения

Л.Г. Дорофеева

*кандидат филологических наук, доцент кафедры славяно-русской филологии
Балтийского федерального университета имени Иммануила Канта
lgdorofeeva@mail.ru*

Статья посвящена значению переводной агиографии в составе древнерусской книжности. Автор развивает мысль о трансплантации переводной византийской литературы на русскую почву и связывает этот процесс с принадлежностью Священному Преданию, фиксирует церковное происхождение житий и их связь с Уставными чтениями. Главным является утверждение об особом значении переводной агиографии в формировании у древнерусского человека представлений об идеале.

Ключевые слова: древнерусская словесность, переводная агиография, идеал человека, предание, типология святости.

Для цитаты:

Дорофеева Л.Г. Переводная агиография Древней Руси: проблемы изучения [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №1. URL: [http:// langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml) (дата обращения: дд.мм.гггг)

Dorofeeva L.G. Translated hagiography of Ancient Russian: the problems of the researching Jelektronnyj resurs «Jazik I tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 1. Available at: [http:// langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml](http://langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml) (Accessed dd.mm.yyyy)

Русская словесность фактически начинается с переводной литературы, о чем написано во всех учебных пособиях и исследованиях, посвященных начальному периоду литературы Древней Руси. На протяжении нескольких веков — вплоть до XV века — переводные тексты составляли основную часть всей книжности Древней Руси и были широко распространены¹. Это объясняется историческими факторами: Крещением, вхождением Руси в византийскую

¹ Л. Левшун, опираясь на исследования В.В. Калугина и А.А. Алексеева [Калугин, 1991, с. 90; Алексеев, 1988, с. 191, 192], приводит интересные цифровые данные о количестве книг богослужебного содержания: в XI–XIII веках — «376 библейских и богослужебных текстов, или 75,5 % известных нам памятников древней книжности». И в XV в. — «из 3422 славяно-русских рукописей, в том числе отрывков XV в., находящихся в книгохранилищах Советского Союза, ... на долю библейских и богослужебных текстов приходится 1029 единиц, т. е. 56 %. ... Количество же списков книг Нового Завета вообще трудно поддается точному подсчету...» [см.: Левшун, 2001, с. 25].

духовную традицию, переводом на славянский язык, прежде всего, церковной книжности, связанной с богослужебной практикой, что и предопределило особенности состава и тип древнерусской словесности. По словам Д.М. Буланина, «тот тип литературы, с которым мы встречаемся в Древней Руси и который не отделяет человеческого писания от божественного, воспринят славянами от *монастырской культуры Византии*» [2, с. 18].

Но нужно заметить, что при всей значимости переводной литературы, осознаваемой медиевистами, она до сих пор недостаточно изучена.

На сегодняшний день единственное систематизирующее описание переводной литературы, где даны периодизация и репертуар переводимых текстов, сделано Д.М. Буланиным в специально посвященном переводной литературе двухтомном издании «Истории русской переводной художественной литературы» [4]. Ученый отмечает, имея в виду литературу *Slavia Orthodoxa*², что «история этой литературы — единой восточнославянской — так и не написана...» [2, с. 20]

Какое же отношение имеет переводная литература к литературе оригинальной? Как определяется ее место в общем составе всей древнерусской книжности? Об этом, конечно, высказывались ведущие медиевисты и неоднократно подчеркивали, что переводная литература не является чем-то внешним по отношению к собственно русской книжности и не считается просто заимствованной и «влияющей» на складывающуюся русскую словесность. В.М. Истрин в начале XX в. писал: «Почти нет случая, чтобы какой-нибудь славяно-русский памятник буквально совпадал с каким-либо одним греческим списком...» [5, с. 367.]. В 1934 году В.Н. Перетц заметил, что «“заимствованное” — в процессе литературного развития разделяет судьбу оригинального...» [11, с. 330]. И в 1970-е годы Д.С. Лихачев выдвигает теорию трансплантации литературы, когда она, «пересаженная» в новую почву, становится ей сродной, фактически ее собственностью: «Перенос литературного произведения в средние века был связан с продолжением его литературной истории, с появлением новых редакций, иногда с приспособлением его к местным, национальным условиям. Византийское произведение в результате этого оказывалось в известной мере произведением местной, национальной литературы» [8, с. 21]. Правда, здесь же ученый делает уточнение о том, что «не все переводные произведения изменялись в равной степени. Не менялись или менялись сравнительно незначительно сочинения *церковно-канонические, богослужебные, освященные строго установленными и устойчивыми формами церковной жизни*» [8, 21]. Далее он выделяет еще один разряд переводных текстов — житий, «связь которых с византийским оригиналом постоянно осознавалась, и текст которых поэтому изменялся на славянской почве не только под воздействием местных условий, но и в результате новых обращений переписчиков к византийскому оригиналу». В качестве примера он приводит Житие Алексея человека Божия, исследованное В.П. Адриановой-Перетц. [8, с. 22]. Таким образом, Д.С. Лихачев дал теоретическое обоснование принадлежности переводных текстов русской словесности на правах «своих», не менее значимых, чем оригинальные произведения древнерусских писателей.

² Термин *Slavia orthodoxa* предложен Р. Пиккио [12] для обозначения той культурной общности южно- и восточнославянских славянских народов, которая объединена Православием, единым языком и литературой. Общей была переводная литература. По утверждению Д. М. Буланина, «Максимальной степенью общности обладали богослужебные книги и книги Священного Писания, за ними шли писания отцов церкви, агиография и т. д. <...> Хотя общий литературный фонд *Slavia orthodoxa* не исчерпывался переводами, они были наиболее устойчивым его ядром, в наименьшей степени подверженным национальным воздействиям» [2, с. 20].

Теория трансплантации и сегодня является ведущей в определении роли и места переводной литературы в составе древнерусской книжности. Вместе с тем, конечно, эта теория требует своего развития в связи с открытием новых текстов и одновременно в связи с малой изученностью уже известных, как и сама переводная литература нуждается в изучении, и в текстологическом, и в содержательном.

На наш взгляд, идея трансплантации не случайно возникла у Д.С. Лихачева, и свидетельствует она о глубоком понимании совершенно особой роли переводных текстов, большая часть из которых носила церковный характер и предназначение, а значит, относилась к сфере Священного Предания. Происходящие, как мы указали выше, из «монастырской культуры Византии» (Д.М. Буланин), эти тексты выполняли, прежде всего, литургическую, богослужебную функцию, либо дидактически-просвещающую, воспитательную, скажем точнее — *преображающую*, т. е. включали человека (при условии наличия у него веры, конечно) в особое пространство — сферу действия Благодати. Не будем забывать о главной цели древнерусского книжника, которая является и основной жизненной целью любого христианина: спасения души в вечности, достижения Царствия Небесного. Именно поэтому эти тексты, переведенные на славянский язык, воспринимались как Предание, причем Священное, и порождали тот духовный и ценностный контекст, который затем стал источником и собственно-русских текстов. Почему и можно, развивая мысль Д.С. Лихачева, утверждать, что произошла не просто «пересадка», или «перенос» (термины Д.С. Лихачева), а непосредственное, *буквальное восприятие тех смыслов и ценностей, определяющих способ жизни*, которые несли эти тексты, причем не как некоего внешнего знания, а вполне реальной жизни, передаваемой посредством особого слова-Логоса. Их содержание и воспринималось на уровне не *ума* (здесь: 'разума', 'рассудка'), а *сердца* — как Священное Предание, которое есть действие Святого Духа, совершающееся посредством слова-символа (или синергийного слова) — в Богослужении ли, в чтении Священного Писания, в молитве к святому, чье житие читалось или слушалось. Эти тексты для древнерусского человека заключали в себе возможность обретения благодатных даров и вхождения в сакральное — Божественное — пространство. Может быть, это имел в виду Д.С. Лихачев, когда развивал свою мысль о трансплантации не только текстов, но и «целых пластов культуры» из Византии на Русь: «Перенос этот был, однако, весьма своеобразен. Он не был механическим, и им не заканчивалась жизнь явления. На новой почве перенесенное явление продолжало жить, развиваться, приобретало местные черты: начиналось действие фактора свободы и "благодати" (в том смысле, который придавал ей Иларион)» [8, с. 21].

Итак, в литературе Древней Руси домонгольского периода складывается на основе полученной из Болгарии византийской переводной литературы богослужебного характера целая библиотека книг, причем строго системно и иерархически организованная и воспринимаемая в Древней Руси уже как собственная.

По какому принципу была организована эта книжная система и какое место в ней занимают интересующие нас житийные тексты? В.П. Виноградов в дореволюционном исследовании «Уставные чтения» (вып. I) пишет о роли Уставных чтений, связывая их с характером идейной жизни Древней Руси: «Уставные Чтения — *чрезвычайно важный факт* (курсив автора. — Л. Д.) в исторической жизни Древней Руси» [3, с. 7]. Он говорит о «значении Уставных Чтений как первостепенной силы, давшей направление идейной жизни общества», называет их «важнейшим источником и вместе продуктом древнерусской литературной деятельности» [3, с. 8], «средоточным центром, около которого вращалась вся идейная жизнь древнерусского общества» [3, с. 10]. При этом он опирается на труды Н.К. Никольского, который еще ранее писал: «Уставным Чтениям выпало на долю быть главным источником русских духовных идеалов. <...> Жития святых полны примерами живой склонности к аскетизму, пробуждавшейся в отроческие годы у будущих подвижников под влиянием слышанных в церкви божественных писаний, т. е. отеческих творений и житий.

Вообще, *склад идеальных понятий древнерусского человека и его убеждений свою коренную основу имел в том учении, которым Церковь наделяла его в Уставных Чтениях*» (Курсив автора. — Л. Д.) [10, с. 225]. И далее: «Наряду с прочтыванием божественных писаний в церкви, тот же четый материал употреблялся и для домашнего или келейного чтения, которое в древности было почти равносильным, хотя и менее общедоступным источником просвещения <...> *В истории Церковного Устава и назначенных им чтений следует искать разгадку и основного направления древнерусской духовной литературы, и последовательности в ее развитии, и частных интересов ее, и стилистических вкусов писателей, живших до половины XVII века включительно*» [10, с. 226].

Эта важная мысль о такой глубокой связи древней книжности с Типиконом не получила должного развития в советской медиевистике, и лишь в конце 1980 годов была обозначена как проблема, которую нужно изучать³. Среди современных исследователей эту идею вслед за Н.К. Никольским развивает Л.В. Левшун, связывая с Типиконом иерархию переводной литературы и принцип дальнейшего формирования оригинальной древнерусской книжности: «Устав действительно “задал” не только определенный корпус книг, но и их иерархию» [7, с. 80], и «...именно система уставных чтений является основанием и обоснованием ядра жанровой системы средневековой книжности: оригинальные произведения восточнославянской словесной культуры в жанровом отношении ориентировались (в соответствии с модусом бытия книжника, их создающего) на типикарный круг чтений» [7, с. 68–69]⁴.

Итак, из сказанного выше ясно, что жития (или Четьи-Минеи) составляют один из трех главных отделов Уставных чтений, органично внутренне связанный с «похвальным» и «нравоучительным» отделами, и имеют церковно-литургическое происхождение. Что же дает нам это знание о происхождении и главной функции житий? Оно предлагает нам ключ к пониманию специфики создания текста и функции агиографического образа. Цель богослужения, объединяющего видимый и невидимый мир в одном священном действии, включающего в это действие святых, чья память приходилась на этот день, становилась целью и жития как словесной иконы; *эта цель продолжала осуществляться в житии для воспринимающего его человека и тогда, когда оно само выносилось за пределы храма*. Ведь известно, что важнейшим фактором формирования четьей литературы, широко распространившейся на Руси, и было то, что жития не оставались *только внутри богослужения*, а становились чтением и за его пределами — келейным, домашним. И чем дальше, тем в большей степени, начиная с XI в. — времени домонгольской Руси — по XV в., с разной долей интенсивности переводились византийские жития. Осваивались и восточнославянские жития других стран (например, Жития Людмилы и Вячеслава Чешских). Так что к XVI веку назрела необходимость создания большого свода житий, что

³ См.: А.М. Пентковский: «Регламентируя богослужебную практику, Устав определял набор и состав богослужебных и четьих книг — основной составляющей книжного комплекса Древней Руси <...> история развития и смены Уставов есть история развития и смены книжных комплексов конкретных исторических периодов» [см.: Пентковский, 1988, с. 39–40].

⁴ А.Н. Ужанков выражает несогласие с категоричностью данного утверждения Л. Левшун, которая опирается на основные положения Н.К. Никольского, не учитывая все же некоторых оговорок ученого о преимущественном, но не абсолютном, не всецелом характере влияния Устава на всю книжность Древней Руси. А.Н. Ужанков пишет: «Развитие древнерусской словесности, то есть ее историю, нельзя сводить к одному лишь воздействию Типикона, хотя его влияние, несомненно, значительно» и приводит целый ряд текстов, создание которых он не относит к прямой зависимости от Типикона: это «Поучение» Владимира Мономаха, «Слово о полку Игореве», «Моление» Даниила Заточника», «Повесть о разорении Рязани Батыем», «Задонщина», демократические сатиры, силлабическая поэзия, школьный театр и др. [Ужанков, 2009, с. 149].

и осуществил митрополит Макарий, собрав воедино все имеющиеся жития и включив вновь составленные о русских святых в Великие Минеи Четвы.

Развитие житийной литературы шло в двух направлениях. Во *внутриуставном*, когда Уставные чтения пополнялись новым агиографическим материалом, проложными житиями, и «уже в домонгольское время переводной Пролог дополнился *памятями* русских святых: княгини Ольги, Бориса и Глеба, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Леонтия Ростовского и др. ...» [7, с. 84]. (Заметим, что Пролог — переводной житийный сборник, употреблявшийся при богослужении, — постепенно расширялся за счет новых включений житий, слов, поучений и впоследствии стал любимым чтением на Руси, получил широкое распространение как четвь книга, и в направлении *переводческом*, а именно в переводах пространных византийских и распространении восточнославянских житий, составлял до XV в. в количественном отношении гораздо больший корпус текстов, чем оригинальные русские жития.

Здесь нужно сказать о недостаточности исследований переводной агиографии, что не раз отмечали ученые. Так, В.В. Кусков в одной из своих последних работ, говоря о необходимости более глубокого изучения древнерусской агиографии, особо отметил важность «установления корпуса переводной византийской агиографии. *Почему в те или иные периоды русской истории возникает повышенный интерес к этим произведениям? Какую роль они сыграли в развитии оригинальной агиографии? Эти вопросы необычайно важны*» [6, с. 46].

О чрезвычайно малой изученности древнерусской переводной агиографии пишет и О.В. Творогов: «Хорошо известно, что в XI–XV вв. основную часть агиографического репертуара составляли переводные жития. В то же время этот богатейший раздел древнерусской книжности изучен еще очень плохо. <...> Мы располагаем лишь единичными исследованиями и изданиями переводных житий, из которых на современном уровне осуществлено лишь одно — издание Жития Андрея Юродивого, подготовленное А.М. Молдованом»⁵ [13, с. 115].

Здесь уместно будет указать на уже имеющийся в западной медиевистике опыт освоения агиографии благодаря деятельности Общества болландистов, которое возникло внутри иезуитского ордена в XVII веке и тогда же положило начало изданию серии «Acta Sanctorum»⁶. Сегодня развивается научное направление, связанное со школой болландистов, — критическая агиография, выросшая из этой серии критического издания житий. Его представителем в России является В.М. Лурье, издавший свое исследование

⁵ К сегодняшнему дню уже появились интересные и глубокие исследования Жития Андрея Юродивого (см.: раздел 4-й настоящей работы), как и некоторых других переводных житий, что в целом, конечно, проблемы не снимает.

⁶ «Acta Sanctorum» [лат. — Деяния святых, Акты святых] — это «крупнейшее собрание житий, текстов и документов о жизни святых. Идея издания принадлежит бельгийскому иезуиту Г. Росвейде (1569–1629); ... первые тома опубликованы в 1643 г. В 1940 г. вышел 68-й т., охвативший месяцы с января по ноябрь; ни одного тома за декабрь до сих пор так и не появилось. <...> В основу издания был положен строгий историко-критический метод; тексты публиковались по всем доступным рукописям, снабжались основательными и достаточно объективными введениями и комментариями. К отдельным томам прилагаются тематические исследования (в частности, о папах и патриархах). В ранних томах греч. жития представлены часто лишь лат. переводами. Жития православных святых, подвизавшихся после сер. XI в., в издание не включались» [1, с. 420].

«Введение в критическую агиографию» [9]⁷. Но нужно отметить, что к изучению собственно переводов житий на славянский язык болландисты не обращались. Порой даже греческие жития они дают лишь в латинском переводе.

О.В. Творогов проанализировал Четьи-Минеи и сборники, содержащие переводные жития. Этот анализ позволил ученому увидеть, «какие именно жития в наибольшей степени привлекали внимание древнерусских книжников и соответственно сохранились в наибольшем количестве списков», и составить «своеобразный рейтинг авторитетности, читаемости житий» [13, с. 115]. О.В. Творогов перечисляет наиболее распространенные жития, встречающиеся в Четьях-Минейх и других сборниках не менее пяти раз. Назовем некоторые из них, находящиеся вверху своеобразного «рейтингового списка». Это жития: Алексея человека Божия, Андрея Юродивого, Антония Великого, Арефы, Афанасия Александрийского, Варвары, Веры, Надежды, Любви, Георгия Победоносца, Дмитрия Солунского, Евстафия Плакиды, великомученицы Екатерины, Игнатия Богоносца, Иоанна Дамаскина, Иоанна Златоуста, Ирины, Иулиании, Козмы и Дамиана, Спиридона Тримифунтского, 40 севастиийских мучеников и мн. др. [13, с. 115].

Заметим еще раз: из всех перечисляемых О.В. Твороговым переводных житий [13] лишь Житие Алексея человека Божия подвергалось в исследовании В.П. Адриановой-Перетц не только текстологическому анализу, но отчасти и анализу содержательного плана. Из современных исследований назовем работу А.Л. Юрганова [14], содержащую именно содержательный анализ образа св. Андрея Юродивого, о чем мы еще скажем в разделе, посвященном анализу житий юродивых.

Даже поверхностный взгляд на состав переводных житий позволяет выделить их основные типы. Наиболее значительную часть составляют жития-мартирии, повествующие о мучениках первых веков христианства. Затем идут жития о преподобных, то есть монашеские жития, большая часть которых повествует о подвигах монахов IV–VIII вв.; далее следуют жития о юродивых, часто при этом одновременно и преподобных; затем — жития о святителях, где наибольшее количество агиографических текстов посвящено святителю Николаю Миликийскому; о праведных и др.

Роль переводной агиографии в развитии собственно русской необычайно велика. Жития, получившие наибольшее распространение в народе, оказывали важнейшее, и даже не будет преувеличением сказать — определяющее, влияние на формирование идеала в сознании древнерусского человека. Почему? Выше мы говорили о Священном Предании, явившемся основой древнерусской — и русской в целом — традиции, и о специфике сознания, находящегося внутри самого Предания. В этом плане значение переводной агиографии в формировании у древнерусского человека представлений о человеке и о его идеале неопределима: она давала *образцы* возможных путей к обретению человеком в себе образа Божия.

Переводная агиография — совокупно, конечно, со всей остальной переводной книжностью — и создавала тот духовный, религиозно-нравственный, наконец, социокультурный контекст, в котором зарождалась и возматрала оригинальная русская словесность. И это рождает еще одну важнейшую проблему: исследования соотношения текстов переводных и оригинальных русских житий на всех уровнях не только в плане воздействия «схемы» агиографического канона, выработанного византийскими агиографами, но и на уровне духовно-ценностного содержания образа, его типологических

⁷ Считаая критическую агиографию самостоятельной наукой, отдельной от филологии, он относит ее зарождение как науки к первой половине XX в.: «Критическая агиография как самостоятельная наука, отличная от филологии, начинается с Делеэ» (отец Ипполит Делеэ, 1859–1941) [9].

черт, тех духовных связей, которые обеспечиваются причастностью житий к одному Преданию.

Литература

1. *Афиногенов Д.Е.* Acta Sanctorum // Православная энциклопедия. М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. Т. 1. С. 420.

2. *Буланин Д.М.* Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы: Древняя Русь. XVIII век. Проза. СПб: Издательство «Дмитрий Буланин», 1995. Т. 1. С. 17–73.

3. *Виноградов В.П.* Уставные чтения (проповедь книги): Историко-гомилетическое исследование. Сергиев Посад, 1914. Вып.1. Уставная регламентация чтений в Греческой церкви. С. 7–10.

4. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: в 2 т. Т. 1. Проза. СПб., 1995.

5. *Истрин В.М.* Рецензия на книгу С. Виленского. Житие Василия Нового // ЖМНП. 1914. Июнь. С. 365–369; Сентябрь. С. 179–208.

6. *Кусков В.В.* Эстетика идеальной жизни. М.: МГУ им. Ломоносова, 2000.

7. *Левшун Л.В.* История восточнославянского книжного слова XI–XVII вв. Минск: Экономпресс, 2001.

8. *Лихачев Д.С.* Развитие русской литературы X–XVII веков. Эпохи и стили. Л.: Наука, 1973.

9. *Лурье В.М.* Введение в критическую агиографию. СПб: Аxiоma, 2009.

10. *Никольский Н. К.* Исторические особенности в постановке церковно-учительного дела в Московской Руси и их значение для современной гомигетики // Христианское чтение. № 2. 1901. С. 220–236.

11. *Перетц В.Н.* К вопросу о сравнительном методе в литературоведении // ТОДРЛ / Академия наук СССР. Институт русской литературы; ред. А.С. Орлов. М.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1934. Т. 1. С. 327–340.

12. *Пиккио Р.* Slavia orthodoxa: Литература и язык / отв. ред. Н.Н. Запольская, предисл. В.В. Калугин. М.: Знак, 2003.

13. *Творогов О.В.* Переводные жития святых в древнерусской книжности XI–XV вв. // ТОДРЛ / Российская академия наук. Институт русской литературы (Пушкинский дом) / отв. ред. Н.В. Поньрко. СПб: Наука, 2008. Т. 59. С. 115–132.

14. *Юрганов А.Л.* Нелепое ничто, или Над чем смеялись святые Древней Руси? // Каравашкин А.В., Юрганов А.Л. Опыт исторической феноменологии: Трудный путь к очевидности. М.: РГГУ, 2003. С. 211–290.

The translated hagiography of Ancient Russian: the problems of the researching

L.G. Dorofeeva

PhD in Philology, Assistant Professor of the Slavic-and-Russian philology Institute of the humanities of Immanuel Kant Baltic Federal University (Kaliningrad) lgdorofeeva@mail.ru

The article is devoted to the value of the translated hagiography in the ancient Russian bookishness structure. The author explicates the idea of the translated Byzantine literature transplantation to the Russian grounds and the author joins this process with its belonging to Scripture, fixes clerical origin of the hagiography and their connect with the statutory reading. The predicating of the translated hagiography special meaning for imaging about ideal with old Russian person is the main in this article.

Key words: the old Russian philology, translated hagiography, the ideal of person, the legend, the typology of the holiness.

References

1. *Afinogenov D.E.* Acta Sanctorum // Pravoslavnaia jenciklopedija [The orthodox encyclopedia]. Moscow: Cerkovno-nauchnyj centre «Pravoslavnaia jenciklopedija», 2000. T. 1. P. 420.
2. *Bulanin D.M.* Drevnjaja Rus' [Old Russia] // Istorija russkoj perevodnoj hudozhestvennoj literatury: Drevnjaja Rus'. XVIII vek. Proza [The history of the Russian translated artistic literature: Old Russia. XVIII cent. Prose]. St-Petersburg: Izdatel'stvo «Dmitrij Bulanin», 1995. T. 1. P. 17–73.
3. *Vinogradov V.P.* Ustavnye chtenija (propoved' knigi): Istoriko-gomileticheskoe issledovanie [Uncial reading (the propagation of the book): The historical-homiletic research]. Sergiev Posad, 1914. Vyp. 1: Ustavnaia reglamentacija chtenij v Grecheskoj cerkvi. P. 7–10.
4. Istorija russkoj perevodnoj hudozhestvennoj literatury. Drevnjaja Rus'. XVIII vek. Proza [The history of the Russian translated artistic literature: Old Russia. XVIII cent. Prose]. St-Petersburg: 1995.
5. *Istrin V.M.* Recenzija na knigu S. Vilenskogo. Zhitie Vasilija Novogo [The book review «The legend of Basil New» by S. Vilenskij] // ZhMNP. 1914. Ijun'. P. 365–369; Sentjabr'. P. 179–208.
6. *Kuskov V.V.* Jestetika ideal'noj zhizni [The ideal life aesthetics]. Moscow: MGU, 2000.
7. *Levshun L.V.* Istorija vostochnoslavjanskogo knizhnogo slova XI–XVII vv. [The history of the Eastern-Slavic bookishness XI–XVII vv.]. Minsk : Jekonompress, 2001.
8. *Lihachev D.S.* Razvitie russkoj literatury X–XVII vekov. Jepohi i stili [Development of Russian literature of the X–XVII cent.]. Leningrad: Nauka, 1973.
9. *Lur'e V.M.* Vvedenie v kriticheskuju agiografiju [The preamble to the critical hagiography]. St-Petersburg: Axioma, 2009.
10. *Nikol'skij N. K.* Istoricheskie osobennosti v postanovke cerkovno-uchitel'nogo dela v Moskovskoj Rusi i ih znachenie dlja sovremennoj gomiletiki [The historical special aspects in the clerical-teaching deal position in Moscow Russia and their meaning for the modern homiletic] // Hristianskoe chtenie [The Christian reading]. № 2. 1901. P. 220–236.

11. *Peretc V.N.* K voprosu o sravnitel'nom metode v literaturovedenii [To the question about comparative methods in the literary studies]. Moscow; Leningrad: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1934. T. 1. P. 327–340.

12. *Pikkio R.* Slavia orthodoxa: Literatura i jazyk [The Slavonic Orthodoxy: Literature and language]. Moscow: Znak, 2003.

13. *Tvorogov O.V.* Perevodnye zhitija svjatyh v drevnerusskoj knizhnosti XI–XV vv. [The translated holy ones legends in the Old Russian bookishness XI–XV cent.]. St-Petersburg: Nauka, 2008. T. 59. S. 115–132.

14. *Jurganov A. L.* Nelepoje nichto, ili nad chem smejalis' svjatye Drevnej Rusi? [The absurd nothingness, or the reason of Old Russian holy ones laughter]// Karavashkin A. V., Jurganov A. L. Opyt istoricheskoy fenomenologii: Trudnyj put' k ochevidnosti [The historical phenomenology experiment: The difficult way to the obviousness]. Moscow : RGGU, 2003. P. 211–290.